

Приложение 2

Апостол Павел в Талмуде

Ниже мы приводим большую цитату из книги Адина Штейнзальца. Сразу скажем, что автор, известный специалист по Талмуду, рассказывая об Элише бен Абуи, совершенно не имеет в виду отождествить его с ап. Павлом и не предполагает какой-то связи между ними. В нашем исследовании мы доказываем тождество этих двух лиц, и нам представляется, что читателю, независимо от того, удалось ли нам убедить его в этом тождестве, любопытно узнать талмудическое описание главного «еретика» в иудаизме — Элиши бен Абуи и сравнить его с образом величайшего апостола христианства — Павла, каким он известен по Новому Завету.

В Талмуде *Ахер* (Ашер) означает «отделившийся (от иудаизма)». Датировка жизни Ахера, очевидно, из апологетических целей оказалась смещенной составителями Талмуда: талмудический *Ахер* показан живущим во времена Гамалиила II (80-е годы и позже), тогда как новозаветный Павел (он же Ахер) — жил во времена Гамалиила I (нач. I в.). И всё же Ахер — это исторический апостол Павел. Объяснение парадокса двух Гамалиилов см. в Приложении 3.

Талмуд повествует об Ахере как об одном из четырех мудрецов Израиля, побывавших в так называемом *Раю*. По описанию это напоминает особое состояние божественного озарения, называемого в Индии *самадхи* или *нирвана*:

“Четверо вошли в Пардес. Вот их имена: Бен Азай, Бен Зома, Ахер (Элиша) и рабби Акиба. Сказал им Акиба: «Когда вы достигнете Авней Шайш Тагор, не говорите: вода! вода!»¹ Ибо

¹ Самадхи связано с кратковременным оявлением сознания человека в *Мире Огненном* — высшем плане проявленного мира. Стихия *воды* антагонистична *огню*, поэтому её упоминание неуместно. «Вода», «пар» — символизирует план низшего астрала (см. о связи Луны и воды, астральной Луны и низшего астрала: Владимиров А. Путь Солнца). Сказать о *воде* — означает мыслями «зацепиться» за план низшего астрала, т.е. остановиться в восхождении к более высокому плану. Другой опасностью оказывается неподготовленность к вибрациям Мира Огненного. Можно «ослепнуть». Низший уровень Мира Огненного — это план мысли, и в нем возможно пребывать только в ментальном теле (теле высшего ума-манаса). Неподготовленное ментальное тело здесь может повредиться, что физически означает стать безумным. Возможна даже физическая смерть, если пробужденная энергия не может пробиться через еще не развитые энергетические центры (симптомы, сходные с горячкой). Так как уровней Самадхи (Нирваны) несколько, то совершенно очевидно, что Акиба, не увидевший Свет Христа, и Элиша-Павел были на разных уровнях Огненного Мира. Павел, познавший Христа, оявился в буддхическом плане — истинно Мире Огненном, ибо Христос есть Буддхи и Духовное Солнце. — А.В.

сказано: “Говорящий ложь не устоит перед взором Моим”. Бен Азай взглянул и умер. О нем говорит Писание: «Дорога в глазах Господних смерть возлюбленных его». Бен Зома взглянул и тронулся рассудком. О нем говорит Писание: «Мед отыскал ты, но довольно с тебя, дабы, пресытившись, не изверг». Ахер взглянул и поломал насаждения. Лишь рабби Акиба взглянул и вышел с миром». (Хагига, 15б)¹.

Скептики могут спросить: откуда известно, где человек оказывается во время земного отсутствия (транса)? На Востоке говорят, что из самадхи возвращаются просветленными мудрецами, тогда как после астральных блужданий человек столь кардинально никогда не меняется. Гностики II (III) в. считали, что этим «поломавшим насаждения в Пардесе» был ап. Павел. В письме Коринфянам Павел пишет будто бы о некоем третьем лице, но в действительности о самом себе:

“Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет² (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня” (2 Кор 12.1-6).

Гностики утверждали, что Павел в вышеприведенном Послании говорил о самом себе, как об этом сообщает, не оспаривая данное мнение, Тертуллиан:

“Но даже если сам Павел, *взятый на третье небо и восхищенный в рай* (2 Кор 12.4), услышал там нечто [как тому учат гностики], то нельзя думать, чтобы это были такие вещи, которые сообщили бы ему другое, лучшее учение, — ибо эти вещи были бы такого свойства, что их нельзя было бы сообщить ни одному человеку” (Против еретиков, 24).

¹ Цит. по: Штейнзальц А. Мудрецы Талмуда / Пер. с англ. М.: Институт изучения иудаизма в СНГ. 1996.

² О Павле известно, что у него был «четырнадцатилетний “немой период” (предполагают, что 33 — 47 гг. н.э.)», т.е. когда он ничего не писал и о нем практически ничего не известно.

Христианская традиция факт «восхищения в рай» ап. Павла почему-то оставила без комментариев. Не в связи ли с близостью образа ап. Павла иудейскому Элише бен Абуи? Не потому ли, что ап. Павел представал при таком отождествлении гностиком-посвященным, хотя и умаленным синагогой? Талмуд рассказывает о пребывании Элиши в Пардесе, тогда как «Деяния апостолов» повествуют примерно о том же, а именно — о явлении Павлу Христа на пути в Дамаск. Гностики превозносили Павла как Посвященного; церковь же стремилась всё превозносимое гностиками отвергать. Талмудисты поступили хитрее — они просто сместили датировку и умолчали о христианстве, которое Элиша-Павел избрал вместо иудаизма. Для церкви же Павел был прежде всего — уверовавший, и лишь только затем — просвещенный; гнозис и вера у церковных догматиков стали антиподами. Так обе конкурирующие традиции в борьбе с подлинным христианством утратили память об апостоле Павле как мудреце-учителе, прикоснувшемся к Истине.

Элиша бен Абуя¹

(из книги А.Штейнзальца «Мудрецы Талмуда»)

В талмудической литературе упоминание этого имени не сопровождается почетным титулом «рабби» (учитель. — *А.В.*). Более того: человек, о котором пойдет речь, вообще не появляется в ней под своим настоящим именем; он фигурирует под кличкой «Ахер» — «чужой», «другой». Личность Элиши бен Абуи в определенном смысле олицетворяет трагедию мудрецов мишнаитского периода². Этот человек был одним из выдающихся законоучителей своего поколения. Корни его учения пронизывали всю толщу еврейской традиции, они уходили в самые недра еврейского бытия. Он был не только мудрецом, но и весьма влиятельной личностью. По сути, Элиша бен Абуя один стоил целого *бет-мидраша* («дом учения», здесь — Академия мудрецов. — *А.В.*). И вот такой человек оставляет иудаизм, предаёт его, предаёт свой народ, причем не только в буквальном смысле слова — предаёт духовно. Этот человек, заглянувший в потаенные глубины своей веры и изменивший ей, покинувший ее Святая Святых, нанес еврейству болезненную, долго не заживавшую рану.

¹ Штейнзальц А. Мудрецы Талмуда / Пер. с англ. М. Институт изучения иудаизма в СНГ. 1996. С.77-90.

² См. определение *Мишна* на с.204

Как понять его? Как осмыслить судьбу незаурядного человека, чье величие в Израиле померкло? Эти вопросы мучили современников Элиши бен Абуи и еще долго волновали потомков.

История жизни Элиши бен Абуи, рассказанная им самим¹, говорит о том, что уже началу его жизненного пути была присуща раздвоенность. Элиша родился в Иерусалиме и рос в наполовину ассимилированной, по понятиям тех дней, семье. Рассказывая о своем обрезании, он отмечает, что торжество ознаменовалось роскошным пиршеством и плясками. И то и другое было заимствовано из чуждой (греческой. — *А.В.*) культуры. Ясно также и то, что гостей мало занимал смысл заповеди, собравшей их за пиршественными столами. Не ради ее исполнения пришли они в дом Абуи. Но поскольку обрезание — все же обычай еврейский, на церемонию были приглашены несколько видных мудрецов. И пока гости предавались чревоугодию и необузданному веселью, мудрецы уселись в уголке и занялись Торой. И хотя они стремились не бросаться в глаза, мудрецы, по словам Элиши, произвели столь сильное впечатление на его отца, что тот решил обучить сына Торе. Это решение означало крутой поворот в будущей судьбе Элиши: вместо того, чтобы преумножать состояние семьи, занимаясь делами, ему предстояло теперь посвятить себя учению. Однако не следует забывать, что детство его протекало в кругу семьи, питавшейся не из одного чистого родника еврейской культуры <...>.

Интерес Элиши бен Абуи к эллинистической культуре, как говорит об этом Талмуд — «греческие песни не сходили у него с уст»², — был плодом двойственного воспитания, полученного дома. С одной

---

¹ Такова эта история: отец его, Абуя, был большим человеком в Иерусалиме и на обрезание сына призвал всех важных жителей Иерусалима. Их он собрал в одном доме, а рабби Элиэзера и рабби Иегошуа поместил в другом. Гости пировали, хлопали в ладоши, пели и плясали. Рабби Элиэзер обратился к рабби Иегошуа: «Пока они заняты своим делом, давай и мы займемся своим». Они сели и стали толковать слова Торы, затем перешли к Пророкам, а от Пророков к Писаниям. С небес пало пламя и окутало их. Воскликнул Абуя: «Учителя мои! Не спалить ли дом мой вы пришли?» Ответили: «Боже упаси! Просто сели мы и стали толковать слова Торы, затем перешли к Пророкам, а от Пророков к Писаниям. И были слова Писания радостны, будто доносились с горы Синайской. И пламя лизало их, как некогда лизало их пламя Синая. Ведь Тора на Синае дарована была в огне: «А гора пылает огнем до сердцевины небес». Сказал им Абуя-отец: «Учителя мои! Раз таково могущество Торы, то если выживет сын мой, рожденный ныне, — Учению я посвящу его». Но поскольку не во имя небес посвятил сына Торе, то и не осуществились слова его в нем (Иерусалимский Талмуд, Хагига, гл. 1:2). — *А.Ш.*

² «Ахер — кто он был? Греческие песни не сходили у него с уст. Рассказывали, что когда он приходил в дом учения, из-за пазухи у него выпадали еретические свитки» (Хагига, 156). — *А.Ш.*

стороны, он был мудрецом, постигающим Тору в доме учения. С другой — оставался знатным иерусалимцем, образованным в эллинистическом духе. Похоже, что ни в один период своей жизни Элиша не был готов отказаться ни от того, ни от другого своего лица. Однако большую часть сил и времени он посвящал миру Торы.

По словам Талмуда, потрясение, сломившее Элишу и вытолкнувшее его за пределы еврейского мира, также было двойным — внутренним и внешним. Он пережил глубокий кризис веры. Не следует забывать, что Элиша бен Абуя был одним из четырех прославленных мудрецов, проникших в Святая Святых Торы, в ее замкнутый Сад, *Пардес*. Мистические откровения этих мудрецов, их штудии Тайного учения обогатили еврейскую традицию и стали ее неотъемлемой частью. Однако лишь самый старший и самый великий из них, рабби Акиба (как видно, он вел за собой остальных), сумел войти с миром и с миром выйти. Один из мудрецов погиб, другой лишился разума, а третий — Элиша бен Абуя — потерпел духовное крушение. Занятая им позиция отражала мировоззрение гностиков. Оно распространилось в эллинистически-римском мире, в том числе среди ассимилированных евреев, усвоивших греческую культуру. Особенно глубокие корни учение гностиков пустило на востоке, где испокон веков процветали мистические культы. Мир, по мнению гностиков, был отдан на произвол двух властей. Одна из них — власть добра — была далека и бессильна. Другая — плоть от плоти этого мира — по существу, правила им (ср. с учением куранитов. — *А.В.*). Она была властью зла ¹.

...Рассказывают, что к решению оставить еврейство Элишу, помимо прочего, подтолкнула свинья ². Он увидел ее на улице. Свинья тащила язык глашатая дома учения, зверски убитого римляна-

¹ Ахер поломал насаждения, и о нем говорится в Писании: «Не давай устам твоим вести в грех твою плоть». О чем идет речь? Он узрел архангела восседающего, наделенного правом записывать заслуги Израиля, и сказал: «А мы учим, что в вышних не сидят, не соперничают, не отворачиваются (от лицемерия Всевышнего) и не ведают усталости. А вдруг существуют две власти?» (Хагига, 15а). — *А.Ш.*

² Он увидел язык Хуцпита, метургемана *бет-мидраша*, который тащила та... Сказал: «Язык, с которого сыпались перлы, ныне лижет прах?» Тут же и согрешил. (Кидушин, 39Б). — *А.Ш.* Смысл поучения в том, что рабби Хуцпит Тургеман просил кесаря отсрочить свою казнь на два дня (через день ему должно было исполниться сто тридцать лет), сказав, что ему это нужно не для круглой возрастной даты, а чтобы «дважды прочитать “Шема”, утром и вечером, дважды еще признать над собою власть Единого Бога, Великого и Страшного» (цит. по: Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000, с.432).

ми. Вырванный язык метургемана, (некогда. — А.В.) громко повторявший за учеными слова Торы... Зрелища, подобные этому, могли сломить и более крепкого человека. Но в душе Элиши бен Абуи и без того созрел глубокий кризис веры. Бессмысленная жестокость и очевидная несправедливость происходящего еще больше усугубили его. Элиша видел, что в мире торжествует зло. Кому или чему он мог приписать его господство? Зло как бы утверждало: если силы добра и существуют, они слишком возвышенны, слишком далеки от мира, чтобы всерьез влиять на него. Эти силы не вмешиваются в происходящее. Снедаемый сомнениями, обуреваемый разрывающими его противоречиями, Элиша бен Абуя в конце концов решил. Он сделал шаг к тому, что, на его взгляд, обладало единственной реальной властью в мире, — шаг ко злу.

Начиная с этого момента, на протяжении определенного времени Элиша полностью отождествлял себя с нееврейским миром. Та эпоха не знала расовой дискриминации.

На самом деле та эпоха знала, как сообщают античные историки, сильные антиеврейские настроения¹; в свою очередь, Ездра потребовал расторжения браков и изгнания самаритянок исключительно по признаку «крови». Об отношении евреев к самаритянам и прочим окружающим народам как к низшим нациям свидетельствует сама Библия. — А.В.

Евреем можно было стать, но всегда существовала и возможность уйти от еврейства. Грань между мирами пролегла не по признаку национальной принадлежности. Эта грань была культурной. Элише удалось пересечь ее: на какое-то время он перестал быть евреем.

Здесь, к сожалению, автор опять переносит на древние отношения представления современного либерального иудаизма. Быть или не быть евреем, согласно представлениям Ветхого Завета, это вопрос не веры, а крови: евреем можно только родиться, но никак не «стать» им. Элиша-Павел учил как раз не о чистоте эллинской или какой-либо иной «крови», не о чьей-то врожденной «богоизбранности», а о чистоте веры и о равенстве всех перед Всевышним. Раввины же и Библия такое равенство отрицали. — А.В.

¹ См. с. 105, 189-191.

Решив жить по законам нееврейского мира, Элиша принял участие в травле своих бывших единоверцев и преследованиях мудрецов¹, сотрудничая с римлянами.

Ср. с сообщением «Деяний апостолов» о том, как Савл-Павел гнал христиан и будто бы расправился со Стефаном, который, правда, подобно Элише гневно выступал против соблюдения иудейских заповедей и утверждал о ничтожности иерусалимского Храма. — А.В.

Он также дал волю низменным вожделениям, не отказывая себе в том, что так ценится в этом мире. Продажная любовь, погоня за богатством и прочими «радостями жизни» увлекли его. Вчерашний рабби Элиша перестал быть собой. Он стал другим человеком, «Ахером». Талмуд рассказывает о жрице продажной любви, чьих милостей домогался Элиша². Женщина спросила его: «Разве ты не Элиша?» После того, как, нарушив субботу, ему удалось убедить ее, что он более не ведет себя как подобает рабби, женщина признала: «Ты не Элиша. Ты другой, *ахер*». С той поры прозвище «Ахер» накрепко пристало к бен Абуе.

Ср. с историей о «прекрасных глазах», которые понравились Иисусу, когда он был в Египте («Тольдот Иешу»); это означало — египетскую мудрость. Скорее всего в предании о Павле языком символов говорится о том, что Элише-Павлу понравилось христианство, которое раввины сравнили с «продажной женщиной», предавшей иудаизм и ушедшей к другому — к языческой мудрости. — А.В.

Не было больше мудреца, законоучителя в Израиле. Место рабби Элиши занял Ахер (т.е. «другой», «чужой». — А.В.).

Несмотря на все объяснения, судьба Ахера продолжала тревожить мудрецов. Как могло случиться, что мудрец, который столько усилий затратил на изучение и преподавание Торы, пренебрег ею и вступил на путь, уводящий от нее прочь? Беспокойство, порожден-

¹ «Ахер повредил насаждения (в Пардесе. — А.В.). Кто такой Ахер? Элиша бен Абуя, который убивал учителей Торы (разумеется, фигурально, т.е. поражал речами. — А.В.). Рассказывают, что он обрушивался на всякого, кого видел повторяющим слова Учения. И не только это — он приходил в школы и спрашивал: “Для чего собрались тут эти дети? Я их знаю — вот этому лучше сделаться каменщиком, этому столяром, этому маляром, а тому — портным”. Слыша его, дети бросали учебу и уходили» (Иерусалимский Талмуд, трактат Хагига, гл. 2:2). — А.Ш.

² «Нашел гетеру и позвал ее. Сказала ему: “Не Элиша ли бен Абуя ты?” Была суббота. Он вырвал редьку из грядки и протянул ей. Сказала: “Нет, ты другой» (Хагига, 15а). — А.Ш.

ное поступком Элиши, проистекало не только из сделанного им выбора. Несмотря на вновь обретенные «рады жизни», он, судя по всему, был несчастен. Сделавшись «другим», Элиша обрек себя на страдания. По крайней мере, таким видел его рабби Меир (ученик Элиши-Павла из круга Академии ¹. — *А.В.*), единственный из мудрецов, не отвернувшийся от изменника с гневом и отвращением. Раз за разом рабби Меир уговаривал Элишу раскаяться. Ахер не казался ему уверенным в себе, счастливым той жизнью, какую избрал для себя. Элиша, казалось, обречен на несчастье. В своей прежней жизни, в мире Торы, он ощущал себя ущемленным несправедливостью, творящейся вокруг, и страдал от сознания могущества зла. Но и в том мире, в котором он обитал теперь, Ахер остался чужим. Зло (здесь — низвержение иудаизма. — *А.В.*) не претворилось в его плоть и кровь, как он, быть может, рассчитывал. Несправедливость по-прежнему доставляла Элише страдания — с той только разницей, что теперь он творил ее сам. Вновь и вновь Ахер вступает с евреями в пререкания, вмешивается в их дела ². Человек не может в одночасье избавиться от своего внутреннего содержания. Несмотря ни на что, в душе Ахер оставался евреем. Не утратил он и знания Торы. Более того — он все еще способен был обучать ей. Талмуд рассказывает, как в одну из суббот рабби Меир сопровождал Элишу, ехавшего верхом, и услышал от него разъяснения по многочисленным вопросам, затрагивающим разные области Торы ³. Долгие годы Элиша стремился разрушить еврейский мир — не только в своей душе, но и вовне. Но в последний период

¹ Сообщается, что р. Меир был прозелитом (неевреем, принявшим иудаизм) (см.: Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. М.-Иерусалим, 1997/5757. С.23).

² Хагига, 15а-б.

³ История об Ахере, который ехал в субботу верхом, а рабби Меир шел за ним следом и учил из его уст Тору. Сказал [Элиша] ему: «Меир, возвращайся назад. Я сужу по следам моего коня: мы подошли к субботней границе» (по Талмуду в субботний день, в который запрещена работа, расстояние для прогулок строго регламентировано. — *А.В.*). Тот ответил ему: «И ты возвращайся назад». Сказал [Элиша] ему: «Разве прежде я не говорил тебе, что услышал голос, доносящийся из-за завесы (в Святая Святыя Иерусалимского храма. — *А.В.*)? Он звал: «Возвращайтесь, сыны неразумные — все, кроме Элиши!» (Хагига, 15а-б.). — *А.Ш.*

На наш взгляд, данный отрывок из Талмуда как раз свидетельствует о том, что Элиша-Павел не занимался злостным низвержением давно заведенных порядков, которых привыкло придерживаться население Иудеи, и что его христианская проповедь адресовывалась в основном эллинам. «Не разрушайте чужой храм, — гласит восточная мудрость, — если не можете немедленно воздвигнуть на месте том новую храмину. Место храма не должно оставаться пустым» (Знаки Агни Йоги. § 58. // Агни-йога. Т.1. М.: Сфера. 1999, с.406). — *А.В.*

жизни он был близок к признанию своего поражения. Да, восстание Бар Кохбы разгромлено, рабби Акиба убит ¹, но Элиша не чувствует, что зло окончательно победило в его душе и в мире. Он еще пытается продемонстрировать свое превосходство над рабби Меиrom, одним из младших учеников рабби Акибы: «Учитель твой не так говорил!» Однако раз за разом Ахер возвращается к той же мучительной для него теме. Он говорит о своей неспособности вернуться к вере отцов. От фигуры Элиши теперь веет трагизмом безысходного отчаяния.

Элиша бен Абуя разрушил не только собственный мир. По той дороге, по которой он ушел из еврейства, Ахер пытался увести других. Чужой мир обладал, по его мнению, неоспоримым преимуществом — это был мир победителей. Могущество римских орлов доказывало правоту тех, кто желал шествовать под сенью их крыл.

Для Элиши-Павла могуществом являлась мудрость Востока, воплотившаяся в эллинской философии и культуре, в Учении Христа, столь ненавистных йахвистам. — А.В.

Но прошло время, и Элиша ощутил себя всего лишь грешником. К своему несчастью, он не был тем грешником, который преступает закон тайком, прячась за закрытыми ставнями. Великий в глазах своих соотечественников, Элиша стал совратителем «малых сих». И потому он знал, что ему не будет прощения. Об этом Элиша говорит рабби Меиру: «Я слышал голос, доносящийся из-за завесы. Он звал: возвращайтесь, сыны неразумные — все, кроме Элиши!» Путь раскаяния открыт для всех. Для всех, кроме одного-единственного — Элиши. Ему дано было многое познать. Он исполнился мудрости Торы, удостоился славы. Но падая с достигнутой высоты в бездны греха, мудрец пытался увлечь за собой других. А такому человеку, по мнению Элиши, не приходилось ожидать снисхождения. И потому врата раскаяния были закрыты перед ним.

Элиша бен Абуя умер в одиночестве. В своем новом обличе он не приобрел (среди иудеев. — А.В.) «учеников», готовых повторить его судьбу. Бывший мудрец ушел из жизни, как некогда ушел из еврейства — оставив за собой болезненный след. Этот след изгладился нескоро. Загадка жизни Элиши еще долго тревожила современников и потомков.

Элиша не умер бездетным. Сохранился рассказ о его дочерях, которые пришли к рабби Иегуде га-Наси за подаянием.

¹ В действительности Акиба и Элиша жили задолго до названного восстания. — А.В.

Рабби колебался, принять ли их, или оттолкнуть, и в конце концов разразился слезами. Он определил дочерям Элиши содержание, и этим актом вновь ввел их в общину¹. Внук Ахера, сын его дочери, стал одним из мудрецов Мишны. Рабби Яков (Иаков) являл собой прямую противоположность деду. Человек с незамутненной душой, он и мир видел целостным, гармоничным, светлым. Проблемы, мучавшие деда, совсем не волновали его.

Кроме дочерей, Элиша бен Абуя оставил после себя свое учение. Вопрос о том, как относиться к нему, был принципиальным. Этот вопрос решали несколько поколений мудрецов. В конце концов, отношение к наследию Элиши сложилось такое, о котором просила его дочь: «Не зрирай на деяния его, а взгляни на его Тору». Высказывания Элиши приводятся в «Пиркей Авот»², а в «Авот де-рабби Натан»³ его мудрым изречениям и моральным сентенциям посвящена целая глава.

Как и при жизни, после своей смерти Элиша тоже повис в пустоте между двух миров. Невозможно оказалось осудить его на адские мучения, ибо заслуги выдающегося мудреца и законоучителя были чрезвычайно велики. Но удостоить вероотступника и злодея райского блаженства также было немислимо. Талмуд рассказывает, как ученик Элиши, рабби Меир, молит о том, чтобы согрешившего мудреца осудили на все муки ада, лишь бы в конце он удостоился исправления и был спасен: «Когда умру я и дымом поднимусь над могилой его?» (в знак того, что суд над Элишей свершился). И действительно, после кончины рабби Меира от могилы Ахера повалил дым⁴. Однако то был еще не конец. Дым от могилы не переставал идти, показывая, что адские муки продолжают терзать отступника. Казалось, ему никогда не будет прощения. Сменилось несколько поколений мудрецов, а над могилой все еще клубился дым. Наконец, не выдержал рабби Иоханан: «Что за геройство — жечь своего учителя! — сказал он. — Один из нас согре-

¹ Спустя некоторое время пришли дочери Элиши просить подаяния у Рабби. Тот постановил: да не найдете простирающего милость отступнику и жалеющего его сирот! Они сказали ему: «Рабби, не зрирай на деяния его, а взгляни на его Тору». Тогда зарыдал Рабби и велел выдать им содержание. (Иерусалимский Талмуд, трактат Хагига, гл. 2:2). — *А.Ш.* (Исторический Павел, возможно, был женат, что, впрочем, трудно соотносить с его подвижническим образом жизни. Иносказательно «выданное дочерям содержание» может означать атавизмы иудаизма в победившей церкви. — *А.В.*)

² Пиркей Авот, гл. 4:20. См. далее в изложении А.Штейнзальца (рассказ о «старом пергаменте»).

³ Авот де-рабби Натан, гл. 24.

⁴ Хагига, 15Б.

шил, а мы не в силах спасти его?» Сказал рабби Иоханан: «Когда умру я и угашу пламя его?» (В знак того, что Элиша избавлен от мук и пребывает в раю). И действительно, с кончиной рабби Иоханана дым над могилой Элиши рассеялся (прекратился. — *А.В.*).

Еще более поэтичную историю о посмертных скитаниях Элиши рассказывает Иерусалимский Талмуд. Рабби Меиру сообщили, что на могиле Элиши пылает огонь. Придя на могилу, рабби Меир простер над ней талит и сказал те же слова, которые Вооз обратил некогда к Руфи: «Ночуй эту ночь здесь, а утром — если избавит Он тебя, то хорошо, пусть избавит, а если нет — то я тебя избавлю, ибо жив Господь! Полежи до утра» (Руф. 3:13). Рабби Меир пояснил свои слова: «Если Всевышний сам избавит тебя по справедливости — хорошо, пусть избавит. Если же нет — тогда я тебя избавлю. Полежи до утра — до дня грядущего Избавления (т.е. до прихода Мессии. — *А.В.*)»¹.

Вот высказывание Элиши бен Абуи, приведенное в «Пиркей Авот»: «На что похож тот, кто обучает ребенка Торе? На чернила, покрывающие письменами чистый лист. А на что похож обучающий старца? На чернила, покрывающие пергамент со стертыми письменами». Это высказывание весьма характерно для Элиши, человека, для которого независимость мышления, новизна и оригинальность служили основой восприятия мира. То, что он изучал, было подобно свежим чернилам на чистом листе. И потому неудивительно, что посвященная ему глава в «Авот де-рабби Натан» по сути лишь истолковывает идею Элиши о том, насколько важен для усвоения Торы свежий, не притупившийся взгляд. Метафора, использованная им, отчасти объясняет судьбу Элиши — как его тягу к оригинальности и новизне в первые годы учения, так и неспособность в зрелые годы стереть неудачный текст (христианство? — *А.В.*) и переписать его заново... Повторение однажды пройденного казалось Элише невозможным, ибо в нем отсутствовали желанная свежесть, новизна восприятия. Элиша обладал способностью творить — но не умел исправлять поломанного. Так не сумел он исправить и свою судьбу.

Элиша не в силах был раскаяться, ибо был неспособен писать на стертом листе. Однако он знал, что это возможно, и хотя не говорит об этом прямо, просит рабби Меира истолковать слова Писания: «Не равноценны ему ни золото, ни стекло» (Иов. 28:17). Рабби Меир отвечает: «Это слова Торы. Приобретаются они доро-

¹ Иерусалимский Талмуд, трактат Хагига, гл. 2:2.

го, как золото, а утратить их легко, будто хрупкое стекло». И тогда, со своей характерной интонацией, Элиша говорит ему: «Учитель твой Акиба ¹ не так говорил! У золота и стекла есть общее свойство — когда они ломаются, их можно переплавить и заново отлить из них украшения, не хуже старых».

---

¹ Меир был одновременно учеником Элиши (Павла) и р. Акибы, величайшего каббалиста (см.: Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000, с.439). Талмуд рассказывает, что Элиша и Акиба были товарищами и принадлежали к школе *Гиллеля* (который, по нашим расчетам, был современником Учителя Праведности, или Иисуса Христа). — А.В.